
12+
ДМИТРИЙ ГАНИН
ЗАМОК ТЕНЕЙ
Убийство среди призраков
роман

Дмитрий Ганин
Замок теней

https://litres.ru/74817953
ISBN 9785007157674

Аннотация

Ноябрь 1913 года. Наследники старого рода съезжаются в замок на скале оглашать завещание покойного барона. К утру один из них мёртв, мост поднят, ледоход перерезал реку. Семеро живых начинают лгать, а по галерее в три часа ночи снова проходят шаги. Замок берёт плату — недописанное у живых. И поверенному Веку придётся доплатить первым.

Содержание

ПРОЛОГ 6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВОРОТА 8
ГЛАВА ВТОРАЯ. ГАЛЕРЕЯ 12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РЫЧАГ 18
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. КЛЮЧ 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Замок теней

Дмитрий Анатольевич Ганин

© Дмитрий Анатольевич Ганин, 2026

ISBN 978-5-0071-5767-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Замок Теней. Убийство среди призраков

Наследники старого рода съезжаются в замок на скале — оглашать завещание покойного барона. К полуночи один из них мёртв, ворота замка закрыты изнутри, а телефонные провода обрезаны. Между легендами о призраке, который три века шагает по галерее, и проклятием, наложенным на каждый род, владевший замком, гости начинают понимать: убийца — среди них. Но каждый шепот в коридорах, каждое затухающее пламя свечи и каждая тень на стене говорит одно и то же: замок не выпустит никого, пока не получит своё.

Классический «замкнутый круг» на новый лад: детектив, где каждый гость — потенциальный преступник, а каждый шепот — угроза. И одна деталь, которую объяснить нель-

зя.

ПРОЛОГ

Замок Ревенхольм, 1643 год

Про Аделаиду говорили, что она вышла из часовни не той.

Свадьба была в ноябре, и всё, что делали Ревены в ноябре, делали наспех: полы застелили соломой, вино разбавляли, повара наняли в последний день. Барин Волфганг фон Ревен женился второй раз — и вторая невеста была младше его дочери. Об этом в замке не говорили вслух, а шептались ровно до полуночи, когда молодая, отпустив гостей, пошла ночным переходом из часовни в западную башню — одна, как велел обычай: невеста заходит в свой дом сама, без рук, и пока идёт, никто не должен дышать ей в спину.

Она дошла. Дневник смотрителя говорит: «Взяла ключи, заперлась. Утром не отперла». Дверь высадили к вечеру вторых суток — комната была пуста, окно стояло открытым, и по галерее, между часовней и башней, от стены до стены тянулась цепочка следов. Следы шли босиком. Обратно они не шли.

С тех пор смотрители Ревенхольма вели одну запись честно, через все войны и смены владетелей: «Шаги в галерее — слышал / не слышал». Смотритель, записавший в 1907 году «не слышал», умер через месяц — но это уже другая история, и к нашему делу она имеет одно касание: в ночь на де-

сятое ноября 1913 года шаги в галерее слышали все, кто был жив в замке.

А мёртвых было четверо. Это нам теперь известно. Тогда — не было известно никому.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВОРОТА

Себастиан Век приехал в Ревенхольм в четверг, за день до чтения воли, и первым делом посчитал ступени моста.

Дело не в педантизме — дело в привычке: человек, который двадцать лет составляет описи, считает всё, к чему прикладывает руку. Ступеней было двадцать две, перила сбоку, на середине моста — ниша сторожевого поста, в ней — рычаг подъёма и колокол. Век записал в блокнот: «Мост: 22 ступени, рычаг один, ключ от ниши — у кастеляна». Потом посмотрел на кастеляна Гросса, спускавшегося навстречу, и добавил: «Гросс хромает на левую. Ключ на цепочке у пояса, справа. Значит, рычаг поднимают с помощником».

Это последнее обстоятельство потом всю неделю будет казаться ему самым важным во всём деле — и всю неделю он не будет понимать почему.

Замок стоял над рекой, как стоит всё, что строили для осады, а не для жизни: спиной к скале, лицом к мосту, окнами в узкие бойницы. Гросс встретил его у подножия с факелом, хотя было три часа дня, и сказал, отступив от торжественности:

— Господин поверенный, вы приехали в дурную неделю.

— Почему?

— Осень. Ледоход встанет дня через два, а до тех пор переправа одна, по мосту, и мост по ночам мы поднимаем. —

Гросс покосился на реку. — Приказ покойного барина: «Пока не прочитают волю — не пускать и не выпускать».

— Хорошо, — сказал Век, — я и есть тот, кто должен её прочесть.

— Это и плохо, господин поверенный. — Гросс поднял факел выше, и тень его прошла по ступеням, от перил до перил. — С некоторых пор в этом доме чтения воли не заканчиваются ничем, кроме покойников. Я служу третий срок, мне тридцать два года, и я не видел, как читают волю. Но я читал, что писали обо мне при прежнем кастеляне.

Век не ответил — записал. «Гросс, кастелян, 32 года. Верит в плохое — и потому заранее прав».

Наследники съезжались весь день и съезжались плохо. Генерал Эрнст фон Ревен прибыл первым, к обеду, с женой и с чемоданом, из которого торчал перочинный ножик; старшая вдова Марта приехала второй, со своим поваром и с фразой, которую Век потом слышал ещё шесть раз: «В этом доме я хозяйка, а не гостья, и потому в завещании мне не место — но я приеду посмотреть, кому место». Пауль приехал к ночи, с дороги, не со станции — Век заметил пыль на бортах коляски, а коляска была нанята, не своя. София приехала с ним молча. Альберта Крума не ждали вовсе — он объявился у ворот к одиннадцати часам, без чемодана, с одним документом в пальто, и сказал: «Я сын покойного. Я приехал слушать». Луиза приехала последней, без мужа, и на вопрос кастеляна ответила, что муж её — в Реве, по делам, и вер-

нётся, «когда всё будет кончено».

Век не знал тогда, что она имела в виду.

Ужин был в большом зале, на двадцати двух приборах — по числу ступеней моста, сказал Гросс, так велел покойный. За ужином говорили о погоде, о ледоходе и о цене угля; никто не говорил о том, что умрёт барон, хотя барон уже умер, — и Век, читая стол, как читают опись, отметил не то, что говорили, а то, о чём молчали. Молчали все семеро, но по-разному: генерал молчал как человек, у которого приказ; Марта — как человек, у которого привычка; Пауль — как человек, у которого страх; Луиза — как человек, у которого тайна; Альберт — как человек, у которого зуб на всех; Генриетта — как женщина, у которой недосып; а София молчала как все, только она молчала всю жизнь, и Век не знал, как её читать, и это его беспокоило сильнее всего остального.

Завещание прочли в полночь, в кабинете покойного, при свечах — электричества в Ревенхольме не было и не предполагалось. Век читал по бумаге медленно, как читают под голоса, которых не слышит: замок, земля, двести гульденов в год Гроссу до конца его службы, серебро — Марте, дом в Реве — Эрнсту, картины — Генриетте, долги — за счёт кассы, и последнее, отдельным листом, приложенным не его рукой:

«Остальное — тому из моих наследников, кто найдёт в этом доме то, что я при жизни не сумел объяснить. Если не найдёт никто — остальное церкви, на упокой моей совести».

В большом зале стало тихо. Потом Пауль спросил — пер-

вым, как всегда спрашивают те, кому нужнее:

— Что значит «найдёт»?

— Больше того, что написано, я не знаю, — сказал Век. И это было правдой, но не всей правдой: в тот же вечер, наводя порядок в бумагах покойного, он нашёл письмо. Незапечатанное, адресованное ему, с одной строкой: «Прочтите, когда останетесь один и когда поймёте, что замок начал платить». Век письмо не открыл. Он положил его в тот же ящик, где ему было велено, и запер на ключ, и понял, что уже спокоен ровно настолько, насколько позволяет человеку запертый ящик.

Разошлись к часу ночи. Век стоял у окна кабинета, глядя на галерею — чёрную, длинную, между часовней и башней, — и записал последнюю строку четверга: «Час чтения прошёл. Никто не умер».

Он был неправ, как неправы бывают нотариусы: смерть прошла уже внутри суток, он просто ещё не знал, чья. К утру его ждали в галерее — между часовней и западной башней, — и ждала его не только смерть.

Ждали шаги.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ГАЛЕРЕЯ

Тело нашла Генриетта.

Она встала, как вставала тридцать лет при живом муже-генерале, — в шесть, по склянке из караулки, — и пошла вниз по лестнице западной башни, потому что не могла уснуть и потому не спала вовсе. Она сказала потом, что шла в часовню помолиться, и Век не стал спрашивать, зачем там было молиться женщине, которая не знала наизусть ни одной молитвы, — он это узнал позже, из дневника смотрителя за 1889 год, где и молитвы-то в замке были выписаны отдельной строкой в описи.

Галерея была длинной, холодной и шла над двором — сорок две ступени от часовни до западной башни, Век посчитал их потом и записал. Справа — стрельчатые окна, слева — глухая стена, и по всей стене — портреты Ревенов за четыреста лет, написанные подряд, как шеренга, и стёршиеся от времени так, что у половины не было лиц.

Генриетта дошла до середины — и пошла обратно к башне, не оглядываясь, быстро, и у лестницы её вырвало. А когда кастелян Гросс прибежал на её крик, она стояла у ступеней и говорила одно: «Там лежит Пауль. Там лежит Пауль». Она не сказала «мёртв» — и это слово Век потом искал во всех её фразах и не находил.

Пауль фон Ревен лежал лицом вниз в середине галереи,

между портретами Мартина, который продал замок, и Мартина, который вернул его, — лежал так, как падают с большой высоты: неестественно прямой, руками вдоль тела, лицом к стене с портретами. На затылке была ссадина, кровь высохла в рыжую корочку. Под ним, на каменном полу, был разлит тонкий слой золы — тонкий, но весь пол в этом месте был в золе, ровно, как посыпанный, — и на золе не было ни одного следа, кроме одного: отпечаток босой ступни, четыре пальца вверх, пятый — в сторону, ведущий к часовне.

Гросс посмотрел на след и отступил. Генриетта закричала во второй раз — тихо, одними губами. Век не закричал ничего: он достал блокнот и начал считать.

«Ссадина на затылке — падение или удар. Зола — ровно на полу, не на одежде. След — один, босой, не его: ступня меньше. Пыли на подошвах туфель Пауля нет. В галерее пыль лежала — я видел вчера в одиннадцать часов. Значит, Пауль пришёл в галерею после одиннадцати, до того, как легла пыль, или она легла после него».

Он не записал главного, потому что не знал ещё главного: в Ревенхольме зола лежала всегда, где лежала, — и то, что она легла ровно там, где Пауль, было не обстоятельством, а подписью.

В большом зале к восьми часам стояли шестеро: Эрнст, Марта, Альберт, Луиза, Генриетта и София — молча, у окна, и смотрела не на тех, кто говорил, а на галерею.

— Открыть ворота, — сказал Эрнст фон Ревен, не спра-

шивая, — и послать за чиновником из Реве. Это дело не для семьи.

— Замок не откроется, — сказал Гросс. — Мост поднят.

— Поднимите обратно.

— Рычаг один, господин генерал. — Гросс смотрел на пол. — Ключ от ниши — у меня. Рычаг поднимают вдвоём. Вдвоём не выйдет.

— Почему «не выйдет»?

— Потому что за этим мостом второй, — сказал Гросс, — на другой стороне, у сторожки. Я его убрал вчера. По приказу покойного барина: «Пока не прочитают волю — не пускать и не выпускать». — Он помолчал. — Я читал, как написано, но не до конца поверил, что так и будет.

В зале стало тихо. Марта первая нарушила тишину — и впервые за время знакомства Век услышал её голос без хозяйской надтреснутости, ровным, старческим:

— Похороны отменяют. Я хозяйка, а не гостья, и я говорю, что в этом доме пока я говорю, где ставить покойника. Пауль был жив вчера. Он не может быть мёртв. Я это говорю не про закон, а про то, что было.

— Никто не спорит, что он жив, тётя, — сказал Альберт Крум, — никто из нас. Мы спорим о другом: кто из нас был у него последним.

— Это я собираюсь спросить, — сказал Век, и все обернулись. — По порядку. После чтения воли — кто с кем виделся. По часам.

И тогда — Век потом не мог забыть, как тогда выглядела комната, — каждый из них сказал по одной вещи, и каждая из этих вещей была правдой или ложью, и ни одну нельзя было проверить немедленно. Он записал.

Эрнст сказал: «Я ушёл в кабинет сразу после воли и лёг в одиннадцать. Мой камердинер — то есть моя жена — засвидетельствует». Генриетта кивнула. И они впервые в жизни совпали в показаниях так точно, что Век записал: «Совпадение — как это бывает у людей, которые проговаривали одну и ту же фразу много раз».

Марта сказала: «После полуночи я была на кухне. У меня остывший паштет — спросите повара». Повар подтвердил. И добавил, что Марта была на кухне и после двух — «она всегда после двух на кухне, я не знаю зачем, я спрашивал, она сказала: по старой привычке дома».

Луиза сказала: «Я была у себя. У меня болела голова». У неё не было свидетелей, и она сказала это так, как говорят правду, которая никому не нужна.

Альберт сказал: «Я гулял по двору до часу. Я не знаю замка — я здесь первый раз». И потом, помолчав: «Я не знал, что мост поднимают. Я не хотел уезжать. Но я хотел знать, что я заперт».

Генриетта сказала: «Я спала. Потом встала в шесть». Век спросил: «Отчего проснулись?» — и Генриетта посмотрела на него так, как смотрят женщины, которые не могут лгать и потому лгут ровно одну вещь за раз: «Мне приснилось, что

в доме кто-то не спит».

София не сказала ничего. Она подошла к блокноту Века, взяла у него карандаш — впервые в жизни взяла чужой карандаш — и написала на чистом листе: «Шаги в галерее были в три». И под этим: «Не его шаги».

Век прочитал. Он хотел спросить «чьи?» — и не спросил, потому что понял: если бы София знала, чьи, — она написала бы «чьи». Она написала «не его» — то есть её не интересовал вопрос «кто убил». Её интересовал вопрос «кто шёл».

И Луиза — Век дошёл до неё последним, потому что откладывал, — сказала одну фразу, которую Век записал дословно и которая потом всплывёт в деле трижды:

— Я не спала. Я стояла у окна и смотрела на галерею. В три я видела, как по галерее идёт человек в белом. Я думала, это Генриетта — она лунатит. Но это была не Генриетта. Я не знаю, кто это был. Я больше ничего не скажу.

В большом зале стало тихо. Потом Марта — тихо, ровно, не глядя на Луизу, — сказала то, что все подумали и никто не сказал вслух:

— В этом доме призрака видели в сорок восьмом году. В семьдесят девятом. В прошлом году. И каждый раз, когда его видели, в замке умирал человек. И живые, которые видели его, — думали, что это призрак. А это был тот из нас, кто ходил в белом по ночному переходу.

Она поднялась и, отойдя к двери, обернулась:

— Господин поверенный. Вы теперь в этом доме един-

ственный, кто не из рода. И единственный, кто не врёт про три часа ночи, потому что не был там. Я прошу вас об одном: найдите того, кто ходил в белом. Потому что если это призрак — то он уже убил. А если это кто-то из нас — то он ещё не закончил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РЫЧАГ

Гросс пришёл к Веку в полдень — не в кабинет, а во двор, где Век стоял перед мостом и смотрел на него так, как смотрят на запертую дверь, через которую уже прошёл кто-то третий.

— Господин поверенный, — сказал Гросс, — вы вчера спросили про рычаг. Я тогда сказал не всё.

— Я знаю, — сказал Век. — Поэтому жду.

— Я сказал, что рычаг поднимают вдвоём. Так учили меня, так учили моего тестя, так написано в смотрительской тетради. И это правда — для того, кто поднимает мост, как положено: цепь ходит по блокам, блоки заржавели сорок лет назад, и одному не поднять. — Гросс помолчал. — Но есть второй способ. Через клин.

— Клин?

— В нише, где рычаг, в полу есть гнездо. Медный клин, толщиной в ладонь. Кто знает про клин — вставляет его в гнездо, рычаг опирается на клин, и мост поднимает один человек. Даже хромой. Даже старик. Клин лежал в гнезде всегда — так было при первом кастеляне, так было при барине-отце. А месяц назад барин меня вызвал и сказал: «Клин вынь. Ключ от гнезда — к тебе, ключ от клина — ко мне. И если кто-то из наследников поднимет мост один — ты поймёшь, кто знает дом».

— И вы вынули.

— Я вынул. — Гросс достал из-за пазухи ключ, маленький, старой чеканки, и положил Веку в ладонь. — Это ключ от гнезда. Ключ от клина барин оставил у себя. Я не знаю, где он теперь.

Век взвесил ключ и не сказал спасибо — спасибо в таких разговорах закрывает дверь. Он спросил другое:

— Когда барин отдал вам этот приказ?

— В двадцатых числах прошлого месяца. Он был тогда здоров — я бы сказал, никогда не был здоровее. Он спустился к мосту, сам вставил клин, поднял мост один — за тридцать две секунды, я считал. Потом вынул клин, сунул его мне и сказал: «Запомни, Гросс: замок не выпускает того, кто не доплатил».

— Он так сказал? «Не доплатил»?

— Так, господин поверенный. Я думал, он о долге — у барина были долги. Теперь, когда я думаю, я слышу не то слово.

Век записал: «Не доплатил — не долги. Доплатил — тот, кто платит замку. Барон знал, что замок берёт плату. Барон знал и готовил замок к платежу, как готовят к зиме». Потом пошёл в нишу.

Ниша была тесная — четыре шага на три, сторожевой пост, где за тем же рычагом двести лет сидели по ночам солдаты, а теперь сидел колокол и ржавчина. Век зажёг спичку и посмотрел на пол.

Гнездо было пустым. Но вокруг гнезда, на каменном полу, лежала зола — та же зола, что под Паулем, — и зола эта лежала не ровно, как посыпанная, а горкой, как будто её принесли в горсти и просыпали, торопясь. Век сунул в горку палец и нащупал под золой металл.

Клин лежал в гнезде.

Он лежал не так, как лежит вещь, забытая на месте, — он лежал так, как лежит вещь, которую вставили вчера: бока гнезда были свежо обтерты, медь клина блестела на гранях. Век достал блокнот и записал: «Клин вставлен после того, как Гросс вынул его месяц назад. Вставлен в ночь смерти или в ночь перед ней. Гросс ключа не давал — ключ у Гросса. Значит, клин вставил тот, у кого есть второй ключ. Или тот, кто знал, что гнездо можно вскрыть без ключа, — и не стал вскрывать, а подобрал. Проверить: отпечатки на меди».

Отпечатков не было. Медь была чистая — не стёртая, а именно чистая, вытертая, как вытирают вещь, которую держали руками в перчатках. Или вещь, которую держала рука, оставляющая на меди не отпечаток, а блеск.

Вернувшись с моста, Век сделал то, что нотариусу делать не положено, а человеку — положено: пошёл в часовню.

Часовня была холоднее галереи — камень в ней не грелся даже летом, а осенью в ней дышали, как в подземелье. Над алтарём висел родовой лист — большой, в железной раме, исписанный по столбцам за триста лет: крещения, свадьбы, смерти. Век искал не крещений и не свадеб. Он искал стро-

ку, которую знает всякий, кто бывал в Ревенхольме дольше суток, — и нашёл её внизу листа, отдельной рукой, почерком крупным, как вырезают на камне:

«Ревены отдают своё в час чтения».

Под этой строкой шли даты. Не крещений и не свадеб — дат было пять, и Век прочитал их как список: 1643 — Аделаида, невеста дома; 1712 — Эмилих, брат хозяина; 1791 — Кристиан, малолетний сын; 1848 — Готфрид, старший наследник, умер накануне чтения воли; 1913 — пустая строка.

Пустая строка была не пустой. Она была свежей: чернила в ней лежали ещё влажно, на ребре буквы — блик, как бывает на краске, которая не высохла до конца. И строка эта была написана в двух словах:

«Пауль. Доплачено».

Век стоял над листом и чувствовал, как в холодной часовне потеют ладони, — потели не от страха, а от того, что ладони узнали раньше головы. Почерк был баронский. Век двадцать лет читал баронские бумаги, барон подписывал у него доверенности, акты, распоряжения, письма — Век знал этот почерк, как знает своё: размах на заглавной «П», нажим вниз, влево, знаменитый крючок на конце слова.

Почерк был баронский. Дата была вчерашняя.

Барон умер девять дней назад.

Век записал — рука, которая дрожала, — не слова, а вопрос, и вопрос этот потом ляжет в основу всего дела:

«Кто пишет почерком мёртвого? Или — когда умирает

тот, кто держал перо за живого, пока живой не доплатил?»

И ниже, ровно:

«София писала: „не его шаги“. Она права дважды: шаги не Пауля. И шаги не человека. И если замок начал платить — значит, кто-то платил за барона девять дней назад. Найти того, кто подписал за него эту строку».

Он закрыл блокнот. За спиной, в притворе, заскрипела ступень — одна, лёгкая, как скрипит камень под босой ногой.

Век обернулся.

В часовне никого не было. Только над алтарём, в железной раме, чуть качался родовой лист — так качается бумага от сквозняка, которого не было.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. КЛЮЧ

Ящик Век вскрыл в полдень, в кабинете покойного, — и не потому, что перестал бояться, а потому, что понял: страх без знания в этом доме стоит дороже золота.

Ящик был дубовый, маленький, под столом, с одним замком — простым, старым. Век двадцать лет вскрывал чужие шкафы по доверенности и мог открыть его шпилькой, не оставив следа, — но поступил как нотариус: позвал Гросса, распечатал при нём акт, выломал замок огласно, при свидетелях. В деле, где замок сам платит по счетам, важно было, чтобы хоть что-то делалось по правилам.

— Почему я? — спросил Гросс, когда ящик открылся.

— Потому что вы уже один раз принесли мне ключ, — сказал Век, — и один раз сказали правду. В этом доме это два свидетеля в одном человеке.

В ящике лежали бумаги. Век перебрал их в том же порядке, в каком держал их покойный барон, — он умел это: перебирать чужие бумаги так, чтобы понять порядок руки, которая их клала. Сверху — счета за уголь, за соль, за свинец; под ними — опись серебра; под ними — квитанция урнщика. А под квитанцией, отдельным конвертом, — то самое письмо, которое Век положил в ящик в четверг и которое теперь лежало поверх бумаг с другой стороны, как будто его перекладывали.

Кто-то его перекладывал.

Век не сказал об этом Гроссу. Он взял письмо, сломал печать — печать была свежая, вощёная, надавленная не пальцем, а чем-то круглым, — и прочёл.

«Господин Век.

Вы читаете это письмо, значит, начались смерти или начались шаги. Я не знаю, что из двух. Я знал только, что одно из двух начнётся, если я умру не вовремя.

Слушайте теперь. Я стар, и я умру, может быть, до того, как вы найдёте всё, — но замок не умрёт, потому что замок — это не камень, замок — это счёт.

В 1643 году в этом доме случилась не свадьба. Случилась покупка. Волфганг фон Ревен был стар и бесплоден, и купил себе вторую жену у человека, который торговал жёнами, как торговали скотиной. Аделаида была куплена за триста гульденов и подписана к браку, как подписывают к цене. Она узнала об этом в ночь свадьбы — и пошла по галерее не в свою комнату, а из дома. Но вышла не через ворота. Замок взял её раньше: есть в галерее место, где стена тоньше, — я знаю где, и я не скажу в письме, потому что письмо может прочесть не тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.